

тов, в частности М. В. Панова и Л. Завадовского. В настоящее время к идиоматичности семантики производных обращаются очень многие исследователи. См. работы Е. А. Земской, З. М. Волоцкой, И. С. Улуханова, Е. С. Кубряковой, М. Я. Гловинской, И. Г. Милославского и др.

Представляется необходимым сделать одно замечание относительно возможности понимания идиоматичности (и соответственно неидиоматичности) семантики производного.

Когда говорят о том, что значение неидиоматичного производного складывается из значений составляющих, обычно отвлекаются от возможной многозначности производного (а иногда и аффикса). Если предполагать, что производящее однозначно, то такое понимание не требует уточнений. В противном случае требуется добавить, что значение неидиоматичных производных можно определить по значению составляющих, если нам известно, в каком из значений эти составляющие сочетаются друг с другом. Например, слово *хитрый* имеет несколько значений (ср. *хитрый человек*, *взгляд*, *мысль* и т. д.), однако в качестве мотивирующего выступает только одно слово *хитрец*. Зная это, мы легко выводим из значений составных частей значение целого слова. Это положение относится и к свободным сочетаниям слов: мы можем определить их значение лишь при условии известности значений составляющих. Ср., например, неоднозначность таких сочетаний слов, как: *купить кролика* («животное», «мясо этого животного», «мех этого животного»); *хороший хозяин* («по отношению к собственности», «по отношению к гостям») и т. п.

Таким образом, мы можем определить значение производного слова по значению составляющих, только зная, какое значение производящего участвует в формировании значения целого.

Задача несколько упрощается, если мы подойдем к этому вопросу не с точки зрения синтеза, а с точки зрения а н а л и з а значения производного слова. Мы всегда оперируем известным значением известного нам слова. Известное нам значение слова по-разному раскладывается между составляющими: в одном случае без остатка, в другом с остатком. Такой подход избавляет нас от некоторых пояснений, связанных с многозначностью производящего: он одинаково применим и к тем случаям, когда производящее однозначно, и к тем, когда оно многозначно.

Итак, значение идиоматичного производного не складывается из значений составляющих его частей и не раскладывается на эти части без остатка. Значение неидиоматичного производного, как правило, может быть выведено из значений составляющих и всегда распределяется по ним без остатка.

Тем самым фразеологичность семантики понимается нами прежде всего как невыраженность некоторой части значения производного формально выделенными в нем частями, а не как невозможность определить значение целого по значению его составляющих. Это разграничение, на наш взгляд, вполне оправдано, поскольку первое совсем не обязательно предполагает второе. Так, при невыраженности значения действия в слове *фальшивомонетчик* оно может быть понято лишь как «тот, кто производит фальшивые монеты», а не как-то иначе.[‡]

Невыраженность той или иной части значения целого является обычно характерной особенностью словообразовательных типов, в то время как невозможность синтезировать значение целого из значений составляющих связана, как правило, с конкретной семантикой мотивирующих — отдельных слов или целых групп внутри типа — и широтой их лексической сочетаемости (особенно у мотивирующих прилагательных). У производных одной и той же словообразовательной структуры предсказуемость значения может быть различной. Ср. слова *бессмертник* и *бесстыдник*, *зачетка* и *бертолетка*, *дубовик* и *беловик*, где каждое второе слово пары в отличие от первого может иметь лишь однозначное истолкование, хотя у таких слов, как *бертолетка* (ср. также *аскорбинка*, *легковушка*,